

Глава двадцать третья

Цинъюй на отвесной скале, или Ночная встреча с двумя призраками

Вечернее правило подошло к концу. Время близилось к часу погружения в тишину, и ученики храма Нефритового Источника начали расходиться по своим кельям.

В пустом главном зале остались лишь Цинсюань и Цинцзин, собиравшие ритуальную утварь.

— Старший брат, — подал голос Цинцзин, — те лекарственные травы, что ты носил сегодня вниз в селение, принесли лишь жалкие крохи серебра. Боюсь, в следующем месяце нам в обители и вовсе придётся голодать.

— Второй брат, — Цинсюань вздохнул, — когда повозка доедет до горы, дорога найдётся сама собой. К чему терзаться лишними думами? Уверен, способ решить проблему отыщется в своё время.

— Легко тебе рассуждать, — проворчал Цинцзин, — не ты хозяйством заведешь и не тебе знать цену дровам и рису. В последнее время мы хоть и часто ходим в горы, но ничего ценного не находим. Те редкие коренья, что хранились в запасах, все до последнего ушли на снадобья для младшего брата. Теперь в казне пусто, даже риса купить не на что. Я и наставнику сказать об этом не смею. Так что ты, брат, впредь серебром-то направо и налево не разбрасывайся.

— Помилуй, когда это я сорил деньгами? Сегодня я купил внизу лишь одно яблоко для седьмого брата.

— Младший слишком слаб телом, — смягчился Цинцзин. — Что нужно, то и покупай. Но с завтрашнего дня я намерен обсудить с братьями наши траты — придётся затянуть пояса.

— Постой, брат. Когда я был внизу, господин Хуан обмолвился, что ищет несколько крепких корней дикого женьшеня и готов заплатить за них щедрую цену. Если нам удастся добыть женьшень, обитель сможет безбедно жить несколько лет.

— Сам ведь знаешь, он растёт на отвесных скалах. Нам туда не добраться. Да и верёвок таких длинных у нас отродясь не было. Как же мы его сорвём?

— Завтра попробуем, — решительно ответил Цинсюань. — Поглядим на месте, может, что и выйдет.

Закончив со сборами, они заперли двери зала и вышли на крыльцо. В лунном свете, словно призрачное видение, застыл чей-то тонкий силуэт.

— Брат Цинъюй? — в один голос воскликнули они.

В руках младшего ученика было ярко-красное яблоко, от которого он успел откусить лишь раз. Он стоял неподвижно, глядя на братьев огромными глазами, и казалось, что его может унести любой случайный порыв ветра.

— На улице сквозит, — обеспокоенно проговорил Цинсюань. — Живо возвращайся в келью, не ровен час простудишься.

— И то верно, — подхватил Цинцзин. — Скоро настанет час тишины. Если наставник увидит, что ты не в постели, он разгневается.

— Старший брат, второй брат, я всё слышал, — негромко отозвался Цинъюй. — Завтра я пойду с вами за женьшенем.

— Тебе нельзя! — отрезал Цинсюань.

— Послушай, — добавил Цинцзин, — нам будет спокойнее, если ты просто посидишь в храме.

Цинъюй протянул им яблоко, кротко улыбнувшись.

— Братья, отведайте и вы.

— Нет-нет, младший... кушай сам, — замахали руками те. — Мы его часто едим, а тебе силы нужны.

— Тогда пообещайте, что завтра возьмёте меня с собой.

— Ладно, — сдались они. — Ешь яблоко и спать!

Цинсюань повёл Цинъюя к его комнате, а Цинцзин освещал им путь огарком свечи. В этом неверном дрожащем свете Цинъюй чувствовал исходящее от братьев тепло.

Крепость семьи Лу по праву считалась первым домом во всём Улине. Глава Лу, величественный мужчина средних лет, вырастил троих сыновей и дочь. Лу Ханьянь была его любимицей, жемчужиной, которую он оберегал превыше всего.

Сейчас он с нескрываемым одобрением смотрел на Сяо Мэнюаня.

— Союзный глава Сяо, — проговорил он, кивая, — вы истинный наследник Меча Сокровенных Небес. Столь молоды, а уже полны достоинства и талантов.

— Вы слишком добры ко мне, — отозвался Сяо Мэнюань. — Я прибыл лишь затем, чтобы обсудить с молодой мисс Лу вопрос об объединении Семи мечей.

— То, что вы почтили своим визитом мою дочь — честь для нашего дома. Она сейчас выслеживает призрака, что повадился шнырять в окрестностях крепости, но должна вот-вот вернуться.

— Значит, я пришёл не вовремя...

— Никак нет, бабушка! — раздался громкий голос. В зал вбежал слуга. — Старшая мисс вернулась! И вместе с ней прибыл молодой господин Фан, владелец Меча Благородного Мужа!

Сяо Мэнюань невольно вздохнул с облегчением.

— Ха-ха-ха! — рассмеялся Лу Цзюньхао. — Союзный глава, зайти пораньше — хорошо, а зайти вовремя — ещё лучше! Какая удача, что и дочь, и господин Фан прибыли одновременно. Эй, люди! Живо накрывайте столы в цветочном павильоне, будем встречать дорогого гостя!

Сяо Мэнюань вежливо поклонился и последовал за хозяином. Ю Било шла следом за ними, и лицо её было мрачнее тучи. С самого порога она чувствовала, что в этом доме её ни в грош не ставят. "Наверняка эта дрянь, Лу Ханьянь, уже успела наговорить про меня гадостей родне", — злобно подумала она.

За пиршеством вино лилось рекой. Глава Лу, пребывая в отменном расположении духа, то и дело подливал Сяо Мэнюаню. Фан Шутун многозначительно взглянул на Ханьянь, и та, поняв его без слов, решительно выхватила чарку из рук отца и перевернула её на стол.

— Всё, бабушка, довольно. Не смей больше пить и брата Сяо не подпайвай! У нас серьёзный разговор.

— Ох уж эти дети, — покачал головой Лу Цзюньхао, глядя на своенравную дочь с нескрываемой любовью. — Совсем почтения к родителю нет. Ладно, господин Сяо, оставляю вас. Ханьянь меня всё равно выпроваживает.

Он со смехом удалился, оставив молодёжь одну.

— Брат Сяо, — Лу Ханьянь подалась вперёд, — отец наконец ушёл. Скажи, есть вести о Господине дворца Мужуне?

— Мы с Ханьянь перерыли всё, что могли, — добавил Фан Шутун, — но зацепок нет. Остаётся лишь надеяться на милость Небес.

— Увы, — Сяо Мэнюань помрачнел. — От А-Пяо по-прежнему ни слуху ни духу. Я виделся в столице с Великим божественным ловцом Цинем, но и у него руки пусты.

— Я каждое утро молюсь богам о господине Мужуне, — мягко произнесла Ханьянь. — Сердце верит, что они уберегут его от беды.

— Спасибо тебе, мисс Лу, — Сяо Мэнюань взглянул на неё с искренней признательностью.

— Пф-ф! — донёсся ядовитый смешок Ю Било. — Какая святая простота! Неужели вы и впрямь верите, что молитвы вернут Мужун Пяо? Это просто смехотворно.

— Ю Било, — ледяным тоном оборвал её Сяо Мэнюань, — если тебе нечем помочь, просто замолчи. Доброе слово Лу Ханьянь стоит в сотню раз больше твоего бездействия.

— Брат Сяо... я лишь...

— Молчи! — Сяо Мэнюань даже не посмотрел в её сторону. — Я верю, что боги не оставят А-Пяо. Он вернётся.

Ханьянь поспешила сменить тему:

— Брат Сяо, ты ведь прибыл по делу?

— По правде говоря, — Сяо Мэнюань потёр виски, — я просто проезжал мимо и решил узнать, как вы тут. После исчезновения А-Пяо я не нахожу себе места и тревожусь о безопасности каждого из нас.

— Союзный глава, путь из столицы до нашей крепости неблизок, не похоже это на "случайный" визит, — заметил Фан Шутун. — Если мы можем чем-то помочь — только скажи.

— Право, ничего не нужно. Лишь бы все были целы. Если появятся вести или Дворец Свободного Скитания пришлёт нового владельца Меча Свободного Скитания, мы немедленно приступим к объединению Семи мечей.

Вечер затянулся. Сяо Мэнюань, терзаемый мрачными мыслями, быстро захмелел, и слуги отвели его в лучшие покои для гостей. На самом деле он не был пьян в стельку — просто на душе было так скверно, что не хотелось лишней раз шевелиться. Он приехал, чтобы просить Лу Ханьянь тайно проникнуть во Дворец Свободного Скитания и присмотреть за Мужун Хунсяо. Но, глядя на то, как нежно Фан Шутун оберегает свою возлюбленную, Сяо не смог произнести

ни слова. Если с Ханьянь что-то случится, Фан Шутун познает те же муки, что сейчас разрывают сердце самого Сяо. Он не мог обречь друга на такие страдания.

Когда в обители воцарилась тишина, ученики погрузились в сон.

Цинсюань и Цинцзин, стараясь не шуметь, выскользнули из своих комнат. Закинув за спину короба для трав и вооружившись мотыгами и верёвками, они поспешили в глубь гор. Оба были сосредоточены и молчаливы — завтрашний день должен был решить участь их храма.

Они шагали быстро, не замечая, что следом за ними, словно невесомое облако, скользит едва различимая тень.

Ночь сгустилась над крепостью семьи Лу.

Тишину гостевых покоев нарушил осторожный скрип. Тёмный силуэт прокрался к кровати Сяо Мэнюаня и резким движением откинул одеяло.

Под ним было пусто. Лишь подушка, обёрнутая в плащ.

Тень дёрнулась было назад, но в ту же секунду затылок обожгло резким ударом. Не успев издать ни звука, незваный гость рухнул на пол.

— Хм, неужели вы и впрямь считали меня дураком? — Сяо Мэнюань с довольным видом вышел из-за занавеси. — Я услышал твои шаги ещё во дворе. Кто станет красться ко мне в келью в такой час, если не лазутчик? Похоже, ты и есть тот "Призрак", о котором все твердят.

Он наступил носком сапога на поверженную фигуру, переворачивая её лицом вверх, и чиркнул огнивом. Тусклый свет озарил лицо пленника. Сяо Мэнюань отпрянул так резко, словно его ударило током.

— Пресвятые боги! Почему она?!

На полу лежала Ю Било, владелица Меча Летящего Небожителя. Сяо Мэнюань обречённо вздохнул.

— Ну и влип... Если она пролежит в моей комнате до утра, вовек не отмоюсь от позора. И надо же было так сильно приложить её, теперь не скоро очнётся. Вот же неугомонная, что ей

понадобилось у меня посреди ночи?

Он смотрел на бесчувственную девушку как на ядовитую змею: и оставить нельзя, и выкинуть страшно. Но вдруг он лукаво ухмыльнулся.

— Придумал! Скажу, что надрался до бесчувствия и ничего не помню.

Тихо посмеиваясь, он завернул Ю Било в плащ, закинул на плечо и вылез через окно.

— Мисс Ю, — бурчал он, карабкаясь на крышу, — в следующий раз ешь поменьше. Тяжёлая, как могильная плита. То ли дело А-Пяо — тот весил не больше пушинки...

Пробравшись к окраине крепости, он бесцеремонно свалил её в тёмном углу за стеной.

— Переночуешь тут, невелика беда. Караул проходит здесь каждые полчаса, тебя найдут и отнесут в покои. А я пойду спать до самого рассвета. Честно говоря, если тебя кто-нибудь украдёт до утра, я буду только рад!

Сяо Мэнюань скорчил рожицу и уже собрался было уходить, как вдруг заметил два тёмных силуэта, стремительно перемахнувших через ограду крепости. Сердце ёкнуло. Прижавшись к стене, он затаил дыхание, а когда те скрылись из виду, бесшумной тенью последовал за ними.

Предрассветные сумерки ещё не рассеялись, когда Цинсюань и Цинцзин достигли края пропасти.

— Старший брат, я спущусь, а ты страхуй верёвку, — сказал Цинцзин.

— Нет, полезу я, а ты присматривай, — возразил Цинсюань.

— Брат, это слишком опасно! Обитель не может лишиться тебя.

— А я не могу позволить младшему брату рисковать жизнью, пока я стою в стороне. Я иду!

— Никуда вы не пойдёте! — раздался звонкий голос. — Полезу я!

Братья вздрогнули и обернулись. Позади, с коробом за спиной и сияющей улыбкой на лице, стоял Цинъюй.

— Младший?! Как ты здесь оказался?!

— Это безумие! Ты же болен, горный ветер тебя погубит! Живо назад!

— Вы же обещали взять меня, а сами сбежали тайком, — Цинъюй обиженно надул губы. — Пришлось идти по следу.

— И как только мы тебя не заметили... — Цинсюань покачал головой. — Ладно, раз уж пришёл, будешь держать верёвку.

— Верно, — подхватил Цинцзин. — Стой здесь, а мы полезем.

— Нет, я тоже хочу!

— И не надейся! Опасно!

Братья обвязались верёвками и начали медленный спуск, осторожно прощупывая выступы и расчищая путь мотыгами. Цинъюй, оставшись один на краю, прищурился, а затем легко, словно пушинка, спрыгнул вниз.

Цинсюань и Цинцзин замерли, когда мимо них промелькнула тень и застыла прямо на отвесной скале.

— Цинъюй! — в ужасе выдохнули они. — Как ты это сделал?! На тебе же нет страховки!

— Со мной всё в порядке, братья. Где этот ваш женьшень?

— Вон там, на том уступе... но туда человеку не добраться...

— Ясно. Ждите внизу, я скоро!

С этими словами паренёк оттолкнулся от камня и, словно лесная птица, взлетел вверх по скале. У братьев перехватило дыхание.

— Нашёл! — донёсся сверху весёлый крик. — Тут их целая россыпь!

Но самого Цинъюя уже не было видно за выступами.

— Тише, осторожнее! — кричали они, обливаясь холодным потом. — Спускайся скорее, это слишком рискованно!

Внезапно крики стихли. В ущелье воцарилась звенящая тишина.

— Младший... отзовись...

— Цинъюй, брат мой... — голоса братьев дрожали от слёз.

И вдруг прямо над их головами что-то мелькнуло. Тёмный силуэт сорвался с кручи и полетел вниз. Братья вскрикнули, пытаясь ухватить пустоту руками.

— Хи-хи! Ну чего вы размахались руками? Я же не падаю.

Фигура замерла в воздухе прямо перед ними. Это был Цинъюй, висевший на отвесной стене с грацией ящерицы.

— Ты... озорник... чуть нас в могилу не свёл...

— Всё, хватит с вас, качайтесь тут дальше, а я вниз!

Он рассмеялся и камнем рухнул в густой туман у подножия. Цинсюань и Цинцзин, не помня себя от страха, поспешили следом.

Когда они наконец коснулись земли, небо уже начало сереть. Цинъюй сидел на поваленном дереве, баюкая в руках охапку ярких горных цветов.

— Старший брат, посмотри, какие они пахучие. Можно я поставлю их у нас в келье?

— Конечно, можно, — Цинсюань вытер пот со лба и улыбнулся.

— Цинъюй, — Цинцзин ворчливо покачал головой, — ну где это видано, чтобы мужчина так возился с цветами? Это девичьи забавы. Братья в храме и так называют меня "второй матушкой" за то, что я вечно ворчу над счетами. Если ты притащишь этот веник, нас засмеют!

— Ты и Цинъюй — разные люди, — возразил Цинсюань. — Наш младший такой милый, что ему всё простят. Бери свои цветы, брат, я даже поищу для них вазу.

— Спасибо, брат! — Цинъюй показал Цинцзину язык и, кружась, зарылся лицом в лепестки.

— Ах да! — Он вдруг вспомнил о деле и вытряхнул из короба десяток корней. — Вот, держите.

Братья ахнули. Это был чистейший, столетний дикий женьшень.

— Цинъюй, это же... невероятно! Как ты умудрился столько собрать?

— Братья, этого хватит, чтобы помочь обители?

— Ещё бы! — воскликнул Цинсюань. — Теперь Цинцзин перестанет ныть над каждой монетой, и у меня в ушах наконец наступит покой.

— Этого нам на несколько лет хватит, — подтвердил Цинцзин, бережно перебирая коренья.

— Собирать травы — дело нехитрое, — улыбнулся Цинъюй. — Только я многих не знаю. Если научите меня, я мигом наполню ваши закрома.

— Какой ты молодец! Ладно, поспешим назад. Скоро утреннее правило, нельзя опаздывать.

— Да, бежим скорее!

И, стряхивая утреннюю росу с подолов, трое путников заспешили к воротам храма.

Тем временем Сяо Мэнюань крался следом за двумя теньями. Те углубились в перелесок у подножия холма и наконец остановились.

— Посланник вызвал меня. Каковы будут указания? — спросил один из них.

— Воля Светлейшего достопочтенного такова: ты должен приложить все силы, чтобы ускорить объединение Семи мечей.

— Господин... нельзя ли пощадить...

— Помни, что тебе обещано! — оборвал его властный голос. — Если не хочешь, чтобы она страдала, исполняй приказ беспрекословно.

— Слушаюсь... Но дело застопорилось. Господин дворца Мужун Пяо бесследно исчез. Меча Свободного Скитания нет, как нам провести обряд?

— Глупец, не ищи оправданий! Светлейший всё предусмотрел. В Дворце Свободного Скитания теперь распоряжаются Священный посланник Холодной Луны и Тёмный посланник. Дворец стал неприступной крепостью. Весь Союз боевых искусств наводнён нашими соглядатаями. Твоя задача — держать под контролем Крепость семьи Лу. Этого достаточно.

— Понял. Передайте владыке, что я сделаю всё возможное...

— И надейся на это. Я возвращаюсь к Священному алтарю демонического культа с докладом. Не подведи.

Один из призраков отвесил низкий поклон, а второй уже приготовился сорваться с места, как вдруг у его горла блеснуло стальное лезвие.

— Ха-ха-ха... Ну что, "Призрак", не спеши радоваться, — Сяо Мэнюань вышел из тени, его Меч Сокровенных Небес сиял холодным светом. — Мой клинок не знает жалости к предателям. Отвечай на мои вопросы, или я превращу тебя в настоящего покойника.

— Хе-хе-хе... Сяо Мэнюань, ты слишком самоуверен, — глаза за маской сверкнули безумным огнём. — Даже если ты убьёшь меня, тебе никогда не одолеть нашего владыку. Не трудись провожать, я уйду сам!

Лицо незнакомца мгновенно почернело, тело обмякло и безжизненно рухнуло на траву.

— Отравился? — Сяо Мэнюань нахмурился. — Что ж, признаю, смелости тебе не занимать.

Он резко развернулся, направив окровавленный кончик меча на второго заговорщика.

<http://bllate.org/book/17412/1659034>